

ЕЛЕНА МАРТОВА

32 ФУЭТЕ

Пьеса в 2-х действиях

Санкт-Петербург, 2013

martova@yandex.ru

+7-950-004-71-23

Действующие лица:

ЛАНА ВОЗНЕСЕНСКАЯ – бывшая балерина, известный балетмейстер, ныне обречена сидеть в инвалидном кресле.

МАРТА МИРОНОВА – женщина, привлекательной внешности, среднего возраста журналистка популярной газеты.

БАЛЕРИНА – оживший образ в воспоминаниях. Можно воспользоваться изображением на мониторе.

ГОЛОСА за сценой.

Действие происходит в наши дни, иногда возвращаясь в воспоминания о прошлом, где главная героиня предстает в образе молодой балерины, крутящей на сцене 32 фуэте. Каждый раз под музыку из различных балетов, где и исполняются фуэте, а это «Корсар», «Пахита», «Дон Кихот» и, конечно же «Лебединое озеро». В это время общий свет гаснет. Три луча высвечиваются кружение балерины, лица Ланы и Марты, внимательно наблюдающими за танцующей. Одна, окунаясь в свою юность, со слезами на глазах. Вторая, не скрывая восхищения, и в то же время чувств, борющихся в ней: возмездия и жалости. Эта реакция будет понятной при их дальнейшем общении.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Квартира Вознесенской. Длинный коридор, несколько закрытых дверей, слева гостиная-кухня, где стоит широкий диван, рядом с которым – биотуалет и инвалидное кресло. Обеденный стол, заставленный различной посудой. На диване лежит Вознесенская. Кругом беспорядок и запустение.

Раздается сигнал домофона. Женщина порывисто садится. При помощи рук, спускает ноги на пол, пересаживается в инвалидное кресло и едет к входной двери. Судорожно снимает трубку:

ЛАНА. Кто? (На экране высвечивается лицо звонящей). Это вы?

МАРТА. Да, это я, Миронова. Меня наш главный послал. Вы просили.

ЛАНА. Да, да. Просила. Я вас жду. Давайте скорей поднимайтесь.

МАРТА. Я готова, только вы мне дверь откройте.

ЛАНА. Ах, да. Я забыла. Сейчас. Только, когда подниметесь, снова позвоните. (Нажимает кнопку)

Слышен звук работающего лифта. Остановка. И звонок в дверь.

ЛАНА. Это вы?

МАРТА. Кто же еще. Конечно, я. (С иронией в голосе)

ЛАНА. Зря иронизируете. Я живу на вулкане. Меня в любую минуту могут убить. В лучшем случае, изнасиловать.

Звук звякающих запоров. Наконец, массивная, железная дверь медленно открывается. Марта входит и видит, сидящую в инвалидной коляске Лану. На лице, нескрываемый ужас.

МАРТА. О Боже! Что с вами?

ЛАНА. Давайте скорей ко мне в комнату, пока эти не вернулись. Проходите вперед. Я и здесь закроюсь. (Начинает звякать сразу несколькими задвижками) Ну вот, теперь спокойнее. А что Ларин вам ничего не рассказал?

МАРТА. Да нет. Сказал, чтобы срочно ехала к вам, разобралась во всем и помогла.

ЛАНА. Вот! Главное, мне нужна ваша помощь. Надо, чтобы вы написали правдивую статью о том, как меня родная дочь сживает со свету. Ларин ее обязательно напечатает. Он мой давний друг. Пусть, наконец, все узнают, как я живу. Хватит скрываться и делать вид, что все у меня хорошо. Вроде, как временные трудности.

МАРТА. А может и так. Трудности постоянными не бывают. Все в жизни проходящее.

ЛАНА. Я понимаю. Жизнь тоже не постоянна. Но хочется, даже в моем положении еще пожить. (Замечает, что журналистка стоит в дверях в полном потрясении от увиденного. С ужасом в глазах разглядывает комнату.) Да вы проходите, присаживайтесь. Разговор будет долгим. Чего вас так напугало? Я вам еще ни слова о своих проблемах не сказала.

Пугаться позже будите.

МАРТА. (Проходит к столу) Как это вы и в инвалидной коляске?

ЛАНА. А что вы меня ранишнюю знали? Ах, да. Я же знаменитостью была. Как не знать, когда вся пресса трындела: Вознесенская обладательница многочисленных наград, лучший балетмейстер страны и даже за ее пределами. Сам Захаров приглашает ее на свои фильмы и спектакли.

МАРТА. Вроде вы и балериной неплохой были.

ЛАНА. Да. У Касаткиной и Василева танцевала. Только кто меня тогда знал. В солистки так и не пробилась. А вы-то откуда это откопали? Я ни в одном интервью не упоминала о своей, так называемой артистической карьере. Не было ее у меня. Не сложилось.

МАРТА. Может так и надо. Иначе не проявился бы талант балетмейстера.

ЛАНА. Теперь-то я знаю, что все в жизни predetermined. Ни о чем не жалею, разве что дочь свою без отца оставила. Теперь мне мщение за это. Расплата за грехи молодости.

А хотите чаю? А то, что же мы как-то так. Официально. Хочется по душам поговорить. Я так рада, что вы пришли. И знаете, как-то сразу мне понравились.

МАРТА. Это чем же? Я еще вам ничего доброго не сказала. Да и встрече нашей совсем не рада.

ЛАНА. Еще скажите. Я по лицу вижу, что вы человек сочувствующий. Значит, в беде не оставите.

МАРТА. Зря так думаете. Еще как могу оставить. Заслужили. (Лана не обращает внимание на эти слова. Марта, подумав). Ну, хорошо, давайте пить чай. Можно я помогу вам?

ЛАНА. А что я говорила, уже сами на помощь набиваетесь. Только я уже привыкла все делать сама. (Начинает ставить чайник на плиту, на стол бокалы. Марта, старается помочь)

МАРТА. И давно вы так?

ЛАНА. Уже третий год.

МАРТА. А что случилось?

ЛАНА. Муж избил. Не верите? Вот и многие поверить не могут.

МАРТА. Как так можно. За что?

ЛАНА. А я ему изменила. Да, да. Не удивляйтесь. Назло.

МАРТА. Совсем интересно. Назло-то зачем?

ЛАНА. А чтоб безосновательно не ревновал.

МАРТА. Это что ли по принципу: «чем грешной слыть, лучше ею быть».

ЛАНА. Вот, вот. Так и сделала. И за грехи свои получила.

МАРТА. Можно подумать, что все мы безгрешны в любви и что никогда не изменяем друг другу, особенно мужики. Так что, за это надо калечить? И почему вы об этом так спокойно говорите?

ЛАНА. Дело-то прошлое. И я его простила. Сама виновата.

МАРТА. Ну, вы даете. Как за такое можно простить?

ЛАНА. Значит можно. Вначале в суд на него подала. А он меня не бросил, можно сказать выходил. Тогда, когда я в больницу попала, обо мне как-то все мои друзья разом забыли. А он один не отвернулся.

МАРТА. Еще бы. В постель уложил, калеккой сделал, ой, простите.

ЛАНА. Не извиняйтесь. Это так. Подняться я уже до конца дней своих не смогу.

Позвоночник поврежден.

МАРТА. Нет, вы стойкая женщина. Так спокойно об этом говорите.

ЛАНА. А что остается делать. Жить можно по всякому, даже сидя в коляске. Я это поняла. Уже и приспособилась.

МАРТА. Так в чем проблемы? Вы же к главному за помощью обратились.

ЛАНА. А вы думаете, я в ней не нуждаюсь?

МАРТА. Ничего я не думаю. Вижу, что нуждаетесь. Но вы ведь не одна? Где спаситель-то?

ЛАНА. Да, в том-то и дело, что одна. И спасать меня надо срочно.

МАРТА. Промедление – смерти подобно?

ЛАНА. Да бросьте вы иронизировать. Я не шучу. Ответственно заявляю, меня хотят убить.

МАРТА. Кто? Почему?

Слышен шум поднимающегося лифта. Лана напряглась. Лифт остановился.

ЛАНА. Тихо. (Едет к дверям, проверяет запоры). Это они. (Прислушивается). Нет, слава Богу, соседи.

МАРТА. Да кто они?

ЛАНА. Да, бандиты эти.

МАРТА. Какие? Откуда?

ЛАНА. Какая разница, откуда? Теперь-то здесь живут, в комнате дочери.

МАРТА. Как это? А она где?

ЛАНА. Не знаю, не ведаю. Она со мной не общается.

МАРТА. И давно?

ЛАНА. С тех самых пор, как меня муженек бывший из больницы привез и на ее попечение оставил. Она меня и раньше своим вниманием не баловала. А тут и подавно. Сию же минуту собралась и ушла в неизвестном направлении

МАРТА. А муж?

ЛАНА. Вернулся в свою новую семью.

МАРТА. Вы, что ли в разводе?

ЛАНА. Мы гражданским браком жили.

МАРТА. О времена, о нравы. Ну, не понимаю я эти, так называемые «гражданские браки».

Гражданский, это все же, когда его государство узаконило, со всеми вытекающими обязательствами. Еще церковный есть. Он тоже обязывает двух любящих людей заботиться друг о друге и быть верными до конца дней своих. А когда мужик к бабе пришел или к себе привел, это подразумевает полную свободу, без каких-либо обязательств. Захотел, пришел, захотел, бросил.

ЛАНА. А вы думаете, если бы был штамп в паспорте, что-то по иному пошло?

МАРТА. Конечно. Он бы вам, хотя бы алименты платил до конца жизни.

ЛАНА. Не нужны мне его деньги. У меня свои есть. В этом не нуждаюсь. А вот отношений добрых никакой штамп не спасет. Были, и нет.

МАРТА. Значит, я права. Он ухаживал за вами в больнице, чтоб вы его не посадили.

ЛАНА. Не хочу сейчас об этом думать. Хотя получается так. Но у него семья, дите. Что мне-то с того, если он сядет?

МАРТА. Зло должно быть наказуемо. Он вас не пожалел. Наказал всего лишь за измену.

ЛАНА Это его грех, как впрочем, и мой. Мы в результате все будем отвечать за свои грехи. Там, перед Богом. (Помедлив) Если не отмолим. Хотя бы часть.

МАРТА. А вы верующая?

ЛАНА. Какой там. Но к порожку веры приблизилась. После случившегося. Осталось его перешагнуть. Да вот «хорошо бы в рай, да грехи не пускают».

МАРТА. Пусть, коль замолите. Только надобно уж тогда обо всех своих ошибках вспомнить. Вытащить их наружу из закоулков памяти и покаяться.

ЛАНА. Видать и вы с религией дружите?

МАРТА. Стараюсь. Только не всегда получается.

ЛАНА. А, теперь понятно. Вот она доброта, которую вы излучаете.

МАРТА. Не надо мне льстить. Я не такая добрая. Я не ангел. Мне есть, в чем каяться. Но уже то, что мы с вами научились прощать, это маленькая победа.

ЛАНА. Я не победитель. После того, как муженек меня в очередной раз кинул, знаете, как хотелось снова ему отомстить. Была бы на ногах, глядишь, и понесла бы заявление в суд. А так, было время, поразмышляла, помаялась, пострадала и поняла, что этим я себе жизнь не улущу и не изменю. Пусть живет.

МАРТА. Это потому, что вы все же надеетесь на Господа, что он-то поступит по справедливости и накажет обидчика.

ЛАНА. А может и так. Каждый из нас свое получит.

МАРТА. Вот, все же сидит в нас этот микроб мщения. Ой как сидит и требует, требует: «Накажи, отомсти. Пусть и обидчику станет плохо».

ЛАНА. А вот вы, смогли бы простить человека, сделавшего вам больно?

МАРТА. (Подумав) Подлость или зло совершенное осмысленно, простить трудно. По себе знаю. Оно особенно больно ранит. А когда человек поступает безрассудно, в порыве гнева или тем более по неосторожности, вот тогда это воля Божья судить его или миловать.

ЛАНА. Тут я с вами солидарна. У нас так с мужем и вышло. Слово за слово. Ругань, крики. Я в него чем-то запульнула, потом кинулась в атаку, а он меня оттолкнул резко, я и полетела головой о край столешницы.

МАРТА. Тогда понятно, почему вы его оправдали.

ЛАНА. А что бы вы сделали?

МАРТА. О, я еще и не такое оправдывала. Сама для себя. Только вот жаль, что порой с обидами трудно совладать. Время от времени напоминают о чьей-то подлости. Гложут изнутри. Жить не дают спокойно. Так и хочется отомстить, увидеть своего врага поверженным, раздавленным жизнью.

ЛАНА. Не похоже на вас.

МАРТА. Да откуда вам знать, какая я на самом деле? Внешность зачастую бывает обманчивой.

ЛАНА. Но вы же не юная девочка, максималистка. Наверняка из шестидесятников. С открытой, отзывчивой душой.

МАРТА. Угадали. Неужели я уже так выгляжу?

ЛАНА. Как? Думаете, я вам возраст определила по внешнему виду? Совсем нет. Вы отлично выглядите. Просто мне Ларин пообещал прислать журналиста опытного, прошедшего, как это говорят у вас в прессе, большой жизненный путь.

МАРТА. А я ведь идти к вам не хотела.

ЛАНА. Почему? Вам же теперь темы нужны скандальные, чтоб тираж повышать.

МАРТА. Это не мне, а изданию. Я не очень люблю скандальную хронику. Правда есть и еще одна причина.

Снова четко слышится остановка лифта на этаже. Голоса. Лана катит к дверям. Замерла.

ЛАНА. Да нет, это не они. (Смотрит на часы). Уф, чего это меня так дергает. Они же только к вечеру возвратятся.

МАРТА. А правда, чего? Ну, вернутся и что?

ЛАНА. Сами увидите.

МАРТА. Вы считаете, что я у вас до вечера сидеть буду? У меня, между прочим, еще и работа есть.

ЛАНА. А разве вы сейчас не на работе?

МАРТА. Вроде да. Тогда приступим. Пора разбираться в ваших проблемах.

ЛАНА. Не все так просто. С чего-то надо начать. (И вдруг, неожиданно) А давайте выпьем. У меня коньячок классный есть. (Видя, что Марта пытается возразить) Не хотите так, можно в кофе или чай.

МАРТА. Нет, чаю напилась. Спасибо.

ЛАНА. Ну, как хотите, а я выпью. (Едет к буфету, достает початую бутылку. Тянется за бокалами)

МАРТА. Я помогу. Вы скажите, что где достать.

ЛАНА. Я сама. У меня все в зоне доступности расставлено.

МАРТА. А я для чего? Вот когда вы одна будите, то сами, а сейчас, можно, я все-таки вам помогу. Мне неловко просто так перед вами сидеть.

ЛАНА. А, правда, чего не воспользоваться, коль предлагают.

Марта, по - деловому, убирает все лишнее со стола, несет в раковину, а там уже гора грязной посуды. Минуту в размышлениях. Потом стремительно открывает кран с водой и начинает все это мыть.

МАРТА. Не понимаю, как можно в таком положении всем этим заниматься? Вам кто-то помогает?

ЛАНА. Почти нет. Все сама.

МАРТА. Неужели ни одной подруги близкой нет?

ЛАНА. Есть. Раньше помогали, а теперь боятся ко мне приходить. Иногда прибегают, продукты приносят и то украдкой.

МАРТА. Ну, вот, кажется, все. (Идет к столу с чистыми бокалами. Видит, наполовину выпитую бутылку) Вы уже с кем-то пили?

ЛАНА. Сегодня еще нет. Вот хочу с вами.

МАРТА. Ну, хорошо. Давайте. (Разливает по рюмкам коньяк).

ЛАНА. Там в холодильнике и лимончик есть.

МАРТА. (Достает из холодильника лимон) А я шоколадкой люблю закусывать. У меня где-то в сумочке завалялась. (Кладет плитку шоколада на стол, разламывает на кусочки)

ЛАНА. Давайте так, вначале я тост, а потом вы.

МАРТА. (Смеется) Ну, давайте.

ЛАНА. Пусть примитивный, но все же - за знакомство!

МАРТА. (Чуть помедлив) А мы знакомы.

ЛАНА. Быть не может. Откуда? (Полное недоумение на лице) Я так вас впервые вижу.

МАРТА. Это не так. Мы виделись с вами раньше. Вы достаточно полно были осведомлены о моей жизни, правда, это было где-то больше четверти века назад. А давайте-ка выпьем. За знакомство. За наше новое знакомство. (Залпом выпивает коньяк, и кладет в рот кусочек шоколада. Вознесенская в смятении смотрит на Марту, с зависшей в руках рюмкой. Потом, тоже одним махом опрокидывает ее, не закусывая)

ЛАНА. Это интересно. Расскажите, где, как, при каких обстоятельствах?

МАРТА. А вам мое имя не о чем не напоминает? Уж не такое оно распространенное.

ЛАНА, (подумав). Да вроде нет. А вот фамилия...

МАРТА. Нет, я не родственница Мироновым. Ну, вспоминайте же. Это невозможно забыть. Хотя почему? Это я все происшедшее между нами буду помнить до конца дней своих. А вам-то ни к чему.

ЛАНА. Да ничего между нами не происходило. Наваждение какое-то. (Снова разливает по рюмкам коньяк и тут же выпивает свою)

МАРТА. Хорошо, придется напомнить (И тоже выпивает). Вот, так-то легче будет ворошить наше с вами грязное белье.

ЛАНА. Ни фиги себе. О какой грязи вы говорите? Да еще спустя столько лет. Я тогда девчонкой была, радостной и счастливой.

МАРТА. (Продолжает) Только что закончившей столичное хореографическое училище и по направлению приехавшей к нам, в провинциальный город, работать на сцене Оперного театра.

ЛАНА. Все. Стоп. Я, кажется поняла, кто вы.

МАРТА. (Уже под действием выпитого) И эта жизнерадостная девочка вероломно вторглась в мою жизнь и разрушила ее.

ЛАНА. Зачем вы так? Я же не знала, не хотела.

МАРТА. Что ты не знала? (Резко перешла на «ты») Что у этого старого козла, который тебя обаял... Вот только убей, не пойму чем? Есть жена и шестимесячная дочь. Тебя даже не смутила разница в возрасте. Он был старше твоего отца.

ЛАНА. (Почти крича) Я правда ничего не знала.

МАРТА. (Тоже орет в ответ) Так все разлучницы твердят. Не ведала, не знала, невиноватая я. Старая песня, а все та же. Особенно сейчас, когда стало даже модным, да что там престижным жить с папиком, который оденет, обует, по курортам повозит. Опять же машина, дача, бриллианты.

ЛАНА. Все, хватит. Не верите и не надо.

МАРТА. Как же. У нашего, с тобой уже в то время и машина, и дача были. Для дочки покупал, чтоб чистым воздухом дышала. Не пришлось. Ты там поселилась.

ЛАНА. Ну, хватит. Хотите, я вам честно расскажу, как все случилось.

МАРТА. Да я знаю. Он же мне потом-то после вашего разрыва сам все рассказал.

ЛАНА. Вот и сравните, кто что говорил и где она, настоящая правда.

МАРТА. А, давай! Только выпьем еще по одной. (Наливает, протягивает рюмку Лане)

ЛАНА. Да, вот эта встреча! (Выпивают одновременно).

МАРТА. Только правду и ничего кроме правды. (Уже пьяна) И давай на «ты». Мы же не чужие. С одним мужиком спали.

ЛАНА (Кладет руку на грудь) Клянусь!

МАРТА. Тогда, поехали..

ЛАНА. Только подожди минутку. Сейчас, сейчас. (Катит к комоду, порывшись, достает альбом с фотографиями. Возвращается).

МАРТА. (Видя это, пьяным голосом) Ты что, хочешь меня во всю свою жизнь погрузить? Не надо. Ты мне о том периоде поведай, что у нас прожила.

ЛАНА. Так я и хочу вам, а, черт, тебе показать какой я приехала.

МАРТА. А я тебя видела. Что снова не помнишь? Напомню. ТЮЗ, премьера. А я всегда приходила на премьеры. Должность обязывала и театр люблю безумно. Вот ты знала, что прежде, чем стать журналистом, я театральную студию заканчивала?

ЛАНА. (Машет головой) Нет. Так ты еще и артистка?

МАРТА. Еще какая. Только с погорелова театра. (Внезапно начинает хохотать) А ты знаешь, и вправду с по-го-ре-ло-ва. В эти-то, лихие 90-е, его и впрямь подожгли. Гады! (Стучит кулаком по столу и уже в слезы). Ненавижу всех этих юнцов-хапуг. Все растащили, к вонючим рукам прибрали. А ТЮЗ-то наш на таком золотом месте стоял. В самом центре города.

ЛАНА. Так его что, совсем нет?

МАРТА. Все до кирпичика убрали, да еще трактором прошлись, а потом... (Начинает реветь в голос) Вот же, сволочи, сквер там разбили. Я когда все это увидела, редела белугой. (Рыдает). Это они тракторам по нашим душам проехали. Дай платок. Ой, прости. Я сама. У меня где-то был.

ЛАНА. Да не реви ты. У нас полстраны снесли, а ты из за одного театра.

МАРТА. Ты ничего не понимаешь. Я выросла в нем. Если бы не ТЮЗ, кем бы я была сейчас.

ЛАНА. Да уж, тем бы и была. Может, только другими путями пришла бы к тому же.

МАРТА. Еще не факт. А знаешь, его же во время войны сама Наталья Сац построила. Во время войны, представляешь? Это ж надо было так верить в победу и знать, что нужно растить новое поколение.

ЛАНА. Да, были люди в наше время.

МАРТА. Еще какие были.

ЛАНА. На вот, взгляни на свой ТЮЗ. (Листает альбом, показывает). Это меня Дымов на его фоне запечатлел.

МАРТА. Где, дай посмотрю. (Снова в слезы) Как можно было такую красоту разрушить? Какие люди все это создавали. И спасибо им. А эти пришли и разрушили. Вот оно – новое поколение. И не смейся надо мной. Ты тоже из другого поколения. У вас гордости за страну нет.

ЛАНА. Да, ладно. Уж не намного ты меня старше.

МАРТА. А ты посчитай. (Начинает, слегка расшатываясь загибать пальцы) Муж-то наш на 27 лет старше тебя, а я младше его на 10, значит ты, ха-ха на целых 17 лет меня младше. Поняла? Это же целая эпоха.

ЛАНА. Так уж и эпоха.

МАРТА. Да я-то шестидесятница. Времена оттепели вдохнула. Знаешь что это такое?

ЛАНА. Представляю. Читала, фильмы смотрела.

МАРТА. Ничего-то ты не знаешь. Смотрела она. Это надо было пережить. Ну, как бы тебе объяснить коротко. (Встает, ходит по комнате, подходит к окну, открывает форточку). Ну, это когда начинаешь дышать полной грудью, вместе со всеми. Открытие новых театров, галерей, выставок. Недели кино, вечера поэзии, концерты бардов. Мы за книгами в очереди стояли. Это было время, когда мы, порой не знали, как поступать, но поступали по совести. (Садится) А ты родилась в эпоху застоя. Тишь, да гладь. Только без Божьей благодати.

ЛАНА. И что? Я тоже и театры посещала и кино, и музеи. Книжки читала.

МАРТА. Не то и не те.

ЛАНА. Можно подумать большая разница. Вот когда перестройка грянула, вот где настоящая литература пошла.

МАРТА. Слушай, точно грянула. Вашим «Лебединым озером». Бедный Чайковский. Я думаю неспроста. Гражданская борьба. Только на этот раз вместо красных, черные против белых.

ЛАНА. И наконец, белые победили. Ура!

МАРТА. Ура-то ура. Только не долго музыка играла. Поначалу-то накрыла нас всех информация. Все шлюзы открыты. Демократия, да и только. Опять в очередь, на ночь передавали друг другу какие-то запрещенные ранее журналы, перепечатки. Потом и вовсе лавиной книги пошли. Границы открыли. Говори, что хочешь, делай, что хочешь. И понеслось. До самой пропасти.

ЛАНА. Но ведь не упали?

МАРТА. Стоим на краешке. Зато начитанные, просветленные и сво-бод-ные!

ЛАНА. Я тоже тогда много чего читала. А иначе, без этого багажа, как бы ставила? Все же надо было понять, прочувствовать. Нет, что не говори, а именно ощущение свободы помогало мне в моем творчестве.

МАРТА. Тут ты молодец. Я слышана и начитана о твоём таланте.

ЛАНА. Да, ладно. Все уже тоже в прошлом.

МАРТА. А давай о прошлом. Мы снова отвлеклись.

ЛАНА. А на чем остановились?

МАРТА. Ты моложе, ты и вспоминай. Слушай, а почему ты не пьянеешь? Мне так уже хорошо. Ах, да, потому что моложе. Можно кофе сварю? Мне надо быть в форме. У тебя есть кофе?

ЛАНА. Там на полке сверху. Я стала редко пить кофе. Коньячок-то получше будет.

МАРТА. С кем пьешь? Если в одиночку, то ты уже алкоголик.

ЛАНА. (Резко) И ты туда же. Не алкоголичка я! Мне порой жить не хочется. Одна, всеми забытая и брошенная. Осталось забыться и улететь.

МАРТА. А залететь тебе не хочется? Последнее дело, беду запивать. От нее, временная отключка не спасет. Уж больно противно похмелье. (Наливает себе кофе в чашку. С удовольствием пьет.)

ЛАНА. Откуда тебе знать. На себе, что ли испытала?

МАРТА. (Еще несколько глотков кофе) Ах, как хорошо. Сейчас в норму приду. Нет, Бог миловал. Хотя в нашей «Вечерке» многие пили по черному. Подруга близкая тоже пристрастилась, так и спилась.

ЛАНА. Что тоже все отвернулись и бросили? И даже ты, лучшая подруга.

МАРТА. Ничего подобного. Лечить пытались, зашивали несколько раз. Бесполезно. Женский алкоголизм не излечим.

ЛАНА. И что она погибла?

МАРТА. А вот и нет. Я все же нашла выход, как ей помочь.

ЛАНА. Ага, врачи не нашли, а ты нашла.

МАРТА. И до сих пор радуюсь этому. Я ее в монастырь отвела. И это оказалось самым действенным лечением. Сам Господь о ней позаботился. С тех пор, я и открылась и поверила в Высшие силы. Ну, вот, мне совсем хорошо. Давай дальше.

ЛАНА. (Задумчиво перелистывает страницы альбома, очнувшись) А дальше, снова твой ТЮЗ. Мы тогда тоже пришли с Дымовым и его друзьями на премьеру.

МАРТА. Вот, вот. Он, увидел меня и наверняка тебе сообщил, что его, теперь уже, как бы бывшая, тоже здесь. Так?

ЛАНА. Ну, так.

МАРТА. И тебе захотелось взглянуть на меня поближе. Не отрицай. Я сидела на диване в фойе, а вы после первого звонка шумно вошли в зрительный зал. Я не спешила, изучала программу. Вдруг ты одна выходишь, идешь мимо и в упор сверху вниз нагло разглядываешь меня. А на лице такое превосходство.

ЛАНА. Тебе показалось.

МАРТА. Ничего подобного. Я это видела своими глазами и никогда не забуду того твоего ехидного взгляда, с улыбочкой на лице.

ЛАНА. Да вовсе я не улыбалась.

МАРТА. Еще как. Ты же, продефилировала назад этой своей балетной походкой, свернув на меня шею и так же нагло уставившись.

ЛАНА. Неужели это была я?

МАРТА. Ах, какие мы мягкие и пушистые. Лучше расскажи, как тебя Дымов в постель уложил. Или для столичной балерины это запросто. Я же вот опять, по-другому воспитана. Меня, чтобы в постель затащить, надо столько труда приложить, внимания, заботы, теплоты, чтоб поверила, чтоб полюбила. А без этого, никакого секса. Фу, слово-то какое противное. У нас, то, что происходило в постели, любовью называлось, а у вас просто: «Пойдем перепихнемся, или займемся сексом».

ЛАНА. А ты, зануда. И не современна. Как таких, до сих пор, в редакциях держат?

МАРТА. А для разнообразия. Ты не отлынивай, а признавайся.

ЛАНА. Все было банально просто. Дымов пришел к нам в театр, чтобы найти для своего фильма балерину, которая могла бы крутить 32 фуэте. Вот балетмейстер меня и порекомендовал. Как сейчас помню, шла репетиция,

(В это время гаснет свет и на экране монитора, а может и на сцене, в луче прожектора появляется балерина. Еще одним лучом высвечиваются лица Марты и Ланы.

ЛАНА. (Продолжает) и тут же на ней состоялся просмотр. Да, точно, я как раз вводилась в «Лебединое озеро». А это же мечта любой балерины станцевать партию Одетты-Одиллии (Звучит Па-де-де из балета, под которую вращается балерина).

МАРТА. Ах, хороша! Представляю, как ты мгновенно очаровала Дымова, да еще в образе коварной Одиллии. Он пришел к полуночи домой, такой восторженный в приподнятом настроении и поделился: «Знаешь, какую классную балерину я заполучил для фильма. Столичная штучка. Красавица, ноги от ушей». Я моментально почувствовала, что глаза у него горят как сумасшедшие. Неспроста. Так и вышло. Закрутила ты его лебедь черная, на все сто оборотов, заколдовала. Плевать тебе на Одетту, с детем малым, в придачу.

ЛАНА. Да пойми ты, я впервые, одна приехала в чужой город. Впервые вышла на большую сцену. Сразу, такой ввод, а тут еще и в кино приглашают сниматься. Вот голова-то кругом и пошла.

МАРТА. Не ври. У вас балерин головы не кружатся. Всегда удивлялась. Почему? Я вот крутанусь пару раз и уже шатает. А тут такое завихрение, на целых тридцать два и ничего. Еще потом и поза красивая.

ЛАНА. Не зря же нас так тщательно отбирают при поступлении в училище. Тут блат не поможет. Позже, все проблемы вылезут наружу и тебя все равно отсеют. Вестибулярный аппарат для балетных, один из главных.

МАРТА. Отвлеклись. Давай дальше.

ЛАНА. Дальше, он стал меня не только снимать, но и красиво ухаживать.

МАРТА. Это он умеет. А еще красиво и умно говорить. А мы, дуры любим ушами.

Представляю, сколько он тебе лапши-то на них навешал.

ЛАНА. А я, правда, всему верила. Он такой импозантный, с сединой...

МАРТА. И с бесом в ребре и наверняка пониже. Еще тот Дым Жуан. Не зря я его так называла.

ЛАНА. Мне-то откуда было это знать?

МАРТА. (Взрываясь) Замолчи! Врешь ты все. Он тебя по друзьям водил, демонстрировал и хвастался. «А ну, Ланочка, задери ножку повыше, продемонстрируй дяденьке, как у тебя это на раз получается».

ЛАНА. Водил, ну и что? Пили, ели, танцевали. Я купалась во всеобщем внимании.

Конечно, мне все это нравилось. Сегодня у известного журналиста в гостях, завтра, у художника, скульптора... Но никто, понимаешь никто, даже их жены не удосужились рассказать мне о нем правду, хотя бы намекнуть, что он-то женат?

МАРТА. А Антонина Петровна, матушка Дымова, что тоже промолчала, когда он тебя ей представил, как любимую женщину?

ЛАНА. Можно, я закурю. (Едет к комоду, достает сигареты и зажигалку. Возвращается. Судорожно закуривает. Пепел стряхивает прямо в тарелку)

МАРТА. Фу, какая дурная привычка. А еще столичная штучка. У тебя что пепельницы нет?

ЛАНА. Да, есть. Но она полная.

МАРТА. Где? (Лана жестом показывает на тумбочку), Марта идет туда, вытряхивает в мусорное ведро окурки, обмывает пепельницу и приносит к столу) На, дыми, коль себя не жалко.

ЛАНА. Так вот, впервые, что Дымов женат и у него маленькая дочь, я узнала именно от нее.

МАРТА. (Взволновано) Как она тебе об этом сказала? Укоряла, вразумляла или...

ЛАНА. Вот именно, «или». Встретила доброжелательно, к столу пригласила. Мы с тортом и цветами пришли. Она порадовалась даже. Будет с чем чай пить. А потом накормила вкусными пельменями.

МАРТА. Это она умела: приготовить, накормить, расположить.

ЛАНА. А когда Дымов в туалет ушел, она ту-то и спросила: «Это у вас серьезно?»

МАРТА. А ты?

ЛАНА. Что я? Уже влипла по уши. Вот и сказала: «Да, вроде, да».

МАРТА. А она?

ЛАНА. Тихо так: «А ты знаешь, что у него дочь есть?» Я вначале не поняла, ну есть и есть. Многие же в его возрасте разводятся, уже имея детей. А ей-то говорю, нет, я не знаю.

МАРТА. Ее это не насторожило?

ЛАНА. Наверное, да. Вот тут-то она мне и сказала, что и с женой он не разведен. Девочке всего полгодика.

МАРТА. Тебя и это не пробило?

ЛАНА. Почему же? С лица слиняла мгновенно, но тут Дымов вернулся, и мы обе сделали вид, что все по-прежнему.

МАРТА. (Поет) Все хорошо, прекрасная маркиза! Все хорошо, все хорошо, кроме как.. (Но тут раздается телефонный звонок) О, кажется мой. (Идет к сумочке, роется в ней и достает мобильник) Алло! Я вас внимательно слушаю. Да, это я, а-то кто же? Нет, я не пьяна. Вам показалось. Да у нас все в порядке. Что Лана? Вот она, жива, правда, не совсем здорова. А что случилось? Нет, не знаю. А вы знаете? Ну, вот. И я пока не знаю. Что делаем? Так разговариваем. Да не валяю я дурака. И дурочку тоже. Да вы не беспокойтесь. Я все выясню и если надо помогу. Да, я поняла. Да, поняла. Завтра, как штык в редакции с отчетом? С каким отчетом? Ах, да, редакционное задание. Как всегда, выполню. До завтра.

ЛАНА. Это главный?

МАРТА. Он самый. Беспокоится. А ты его откуда знаешь?

ЛАНА. Это он меня знает. Я же знаменитостью была. От репортеров отбоя не было. И он, не исключение. У нас с ним даже небольшой роман случился. Он хороший мужик. Потому-то к нему и обратилась за помощью. Знала заранее, не откажет. (Затягивается очередной сигаретой.) А ты как к нему попала?

МАРТА. По протекции. После этой шальной перестройки, все обрушилось и смешалось. Многие редакции стали загибаться. Нам вместо гонораров вручали всякую ерунду, так называемый бартер. Мы им рекламу, а они нам свою продукцию. Вот как-то вручили мне несколько утюгов, иди торгуй, зарабатывай свой гонорар. А дочь моя в это время уже училась здесь, в МГУ. Удачно вышла замуж. Между прочим, за депутата. Поняла теперь как? Сыночка она родила тут-то я и пригодилась. Вызвали. Приехала. Ванька в первый класс пошел, а я от скуки взвыла. Вот меня зятек и пристроил.

ЛАНА. Оказалась, ценным кадром, коль даже на пенсию не выпроводили.

МАРТА. Ага. Негоже было бы подводить зятя. Он у меня мужик, что надо. Вот и старалась изо всех сил, доказывала, что и в провинции хорошие журналисты на дороге не валяются. У меня уже на полке несколько этих, «Перьев года» стоят. Фу, ты, опять отвлеклись.

ЛАНА. Вспоминать противно. (Гасит сигарету) . Чего прошлое ворошить. Давай еще по рюмашечки.

МАРТА. Нет уж. Я хочу от тебя узнать, как ты Дымова в Москву увезла и почему замуж за него не вышла? Неужели только потому, что родители не разрешили?

ЛАНА. Ты и это знаешь.

МАРТА. Конечно. Я же по сей день – дымовская жилетка. Он, как чуть, ко мне плакаться прибежал, а теперь вот по телефону слезы крокодиловы льет.

ЛАНА. А ты знаешь, где он?

МАРТА. А ты нет? Он в Европу смылся.

ЛАНА. Я давно вычеркнула его из своей жизни. И ничего о нем знать не хочу. (Снова закуривает. Раздается звонок в дверь. Судорожно гасит сигарету, смотрит на часы) Марта, подойди ты к домофону. Узнай, кто это?

МАРТА. Да что тебя так корезит? Успокойся. Сейчас все выясню. (Открывает, не сразу, путаясь в запорах дверь комнаты. Идет к входной. Снимает трубку) Это кто тут у нас? Какая почта? Реклама что ли? Да катитесь вы с этой рекламой. Вешает трубку на место. Возвращается.) Все в порядке. Это ни к нам.

ЛАНА. Закрывайся.

МАРТА. Так там же все закрыто.

ЛАНА. То там, а ты здесь все закрой.

МАРТА. Да, пожалуйста. (Начинает закрывать все засовы и цепочку) Это ж надо, и поговорить не дают.

ЛАНА. Ладно, давай расскажу. Значит так, вы разошлись.

МАРТА. Точно. Это когда дочке год исполнился. Раньше было нельзя, по закону. Нас почему-то быстро развели. Знаешь, я даже в суд не ходила. Он пришел и попросил написать заявление, что живем поврозь, общего хозяйства не ведем, у меня к нему претензий нет. Я написала.

ЛАНА. Что даже не пыталась его удержать?

МАРТА. А зачем? Каждый волен поступать, как хочет. А тут еще и матушка его позвонила и так жалобно: «Мне жаль, что так все случилось. Ты его прости. Он полюбил. Это его последняя «Лебединая песня». Всегда мечтал о женщине хрупкой и воздушной...»

ЛАНА. Это ты-то не хрупкая? Даже сейчас.

МАРТА. Летать, как ты, точно, не умела. А тебя-то мужики на руках носили, лебедушка ты наша. Опять же ноги...

ЛАНА. Не говори мне про них. Разве не видишь, что у меня просто их нет, нет, нет (бьет по ногам). Почему? За что? (Начинает рыдать, потом резко вытирает слезы с лица) Нет, все правильно. Я знаю, за что эта расплата.

МАРТА. Да не реви ты. Все в прошлом. Я уже не держу на тебя зла. Перегорело.

ЛАНА. (Опять, решительно) Продолжим. Так вот, привезла я его к родителям, представила. Отец, еще ничего, поздоровался и в гостиную пригласил пройти. Зато мать с такой ехидной улыбочкой на лице: «Так это и есть тот кавалер, что зятем к нам набивается».

МАРТА. Представляю я реакцию Дымова. Как, это его-то такого талантливого, успешного, и не приветствуют. За честь бы сочли.

ЛАНА. А матушка, еще пуще распаляется: «Вы знаете, как вас там, вот я чуть помладше и то бы подумала, стоит ли выходить за вас замуж. Так как же я могу, единственную дочь, еще девочку, отдавать за провинциального престарелого ловеласа»

МАРТА. (Покатилась со смеху). Так ему и надо. Вот это у тебя мать. Такое фуэте ему устроила. Отхлестала по обеим щекам. Ты еще не забыла, как переводится «фуэте»?

ЛАНА. Слушай, точно – «хлестать».

МАРТ. А он-то что? Неужели и это проглотил?

ЛАНА. Как же? Ты что его не знаешь? Пулей вылетел из квартиры, а я за ним. Успела только родителям сказать, что я вам это никогда не прощу. Догнала, а он и со мной разговаривать не хочет. Будто это я ему это фуэте устроила.

МАРТА. А когда-то им же и очаровала.

ЛАНА. Теперь не знаю, в самом ли деле он был влюблен или Москва манила. Противно так думать. Но это очевидная правда.

МАРТА. Да ладно. В тебя ту, прежнюю не возможно было не влюбиться? А у него глаз на красоток, еще как поставлен.

ЛАНА. Ошибаешься. Разве не знаешь, что он перекинулся тогда на мою педагогиню по училищу.

МАРТА. Еще бы не знать. Я ей даже свою дочь доверяла, когда Дымов ее в пионерские лагеря на лето устраивал.

ЛАНА. Она хорошая, хоть и не красавица. Тоже бывшая балерина. Мы как-то подружились, и я с ней тесно общалась. Так вот, идти-то нам после выдворения из собственного дома было некуда, и я притащила Дымова к ней. Произошла ситуация

наоборот. Ирина Львовна старше нашего Казановы, уже в теле. Он на нее даже не прореагировал. А она глаз положила.

МАРТА. Я же говорю, он любую заговорит. Нет, мы точно бабы-дуры. Как там АLEGROVA поет, «Кто у нас не первый, тот второй». (Неожиданно) Наш-то, у тебя первым был. Даже странно. Жила свободно, без родительского контроля, вокруг красивые мальчишки. Как это они тебя проигнорировали. Или все подряд «голубенькие»?

ЛАНА. А с чего ты взяла, что он первый?

МАРТА. А мне свекровь поведала. Она же, после нашего разрыва снова стала его, пардон, уже вас обоих опекать. Вот бельишко-то собрала в стирку, а там – следы девичьей невинности.

ЛАНА. Она-то ладно, а ты что, поверила? Неужели не в курсе достижений нашей медицины?

МАРТА. Представляешь, отсталая я. Вот эта разница в годах и дает о себе знать. Это как же? Просвети, перезрелую тетку.

ЛАНА. Запросто. Идешь к знакомому врачу, она берет нитки, иголку и зашивает, то что уже повреждено.

МАРТА. Ты это серьезно?

ЛАНА. Нет, ты и в самом деле «совок». А у вас-то, потеря девственности, это таким стыдом считалось.

МАРТА. Знать и у вас тоже, коль ты штопалась.

ЛАНА. Да, не из-за стыда это вовсе, просто, когда твой очередной претендент на руку и сердце переспит с тобой, еще нетронутый, он от этого пупеет и уже навеки твой.

МАРТА. Как видишь, на этот раз не сработало.

ЛАНА. Еще как сработало. Он же, не раздумывая, все бросил: семью, работу, и за мной ...

МАРТА. Скажи еще «на край света».

ЛАНА. (В запале). Да если бы не мои родители?

МАРТА. А ты тоже дура наивная.

ЛАНА. Да, ладно. Это я так. Я уже тогда поняла, когда он к Ирине приклеился и стал с ней жить, что он все же, подлец. Из-за квартиры на ней женился. Ее-то понять можно. Намаялась в одиночестве. Все есть, работа, квартира шикарная, сын вырос, а тут и мужик кстати подоспел. Почему не воспользоваться?.

МАРТА. А тебя ей не жалко было?

ЛАНА. Знаешь, в отличие от вас, провинциалок, мы москвички девочки, хваткие. Своего не упустим. Себя, прежде всего жалеть надо.

МАРТА. Да, что ты говоришь? Нынче любая провинциалка всем вам столичным такую фору даст.

ЛАНА. Это сейчас. А тогда вся приезжая лимита вела себя скромно. Даже те, кто приезжал покорять Москву. Я по училищу помню. Если девочка из деревни, а тогда искали таланты по всему Союзу, то она такая застенчивая, наивная до предела. А сейчас?

МАРТА. И ты стареешь, коль тоже сравниваешь, что прежде, а что теперь.

ЛАНА. Так, я уже бабка. У меня недавно внучка родилась.

МАРТА. Да, ты что? Вот ведь еще хотела перед тем, как к тебе ехать в Интернет заглянуть, по биографии твоей пробежаться. Не удосужилась, поспешила. Так у тебя, значит дочь и даже внучка есть. А ты-то как рожать решилась? Вы же, актриски, балеринки фанатично преданны сцене. Ее предпочтете, когда вопрос о детях встает. Сколько вас таких, оставшихся на старости лет одинокими. Воды подать некому.

ЛАНА. Неизвестно, что лучше, одной на старости лет остаться или получить от своей дитяти по морде.

МАРТА. Это, как же?

ЛАНА. А вот так. Я же тебе уже говорила, что когда дочь, поняла, что за мной надо ухаживать, сразу же слиняла из дома.

МАРТА. Куда?

ЛАНА. Откуда мне знать? Мужик у нее завелся. Внучку-то от кого-то родила?

МАРТА. А сколько ей лет?

ЛАНА. Кому?

МАРТА. Дочери твоей.

ЛАНА. (Судорожно, перебирая предметы на столе) Почти тридцать. (Смотрит за реакцией Марты)

МАРТА. (Не придавая значения) Так молодец, что родила. Вот только не пойму, почему она тебя бросила?

ЛАНА. Вся в папочку своего. Жестокая, бездушная тварь.

МАРТА. Ох, ничего себе. Ты зачем так о ней. Она же твой самый родной человек.

ЛАНА. Если бы так.

МАРТА. А как иначе? Ты же ее родила, воспитала,

ЛАНА. Если бы. В том-то и дело, что не воспитывала я ее.

МАРТА. А вот с этого места, подробнее.

ЛАНА. Да, что ты в самом деле до сих пор понять не можешь, что я от Дымова залетела. Она дочь Дымова.

МАРТА. (В полном недоумении, даже заикаясь) Э-то, как? Не-е-может быть.

ЛАНА. Что не может? Делов-то, раз и ты уже беременна.

МАРТА. Да я не про это.

ЛАНА. А про что?

МАРТА. Про то, что у моей дочери сестра появилась.

ЛАНА. Да и правда. (Тоже с удивлением) Мы же вроде как родственники. Только извините, сестренка-то не из лучших. Еще та, красotka.

МАРТА. А ну, открывай свой альбом, покажи сестричку.

ЛАНА. (Подвигает к себе альбом, раскрывает и они начинают разглядывать фотографии в нем). Вот она маленькая с моей мамой. Вот они на море все вместе. Тогда еще мой отец был жив. А вот в школу пошла.

МАРТА. И снова тебя нет рядом. Ты мне теперешнюю покажи.

ЛАНА. Да вот же. Это она в театре, на репетиции.

МАРТА. Что тоже артистка?

ЛАНА. Только драматическая.

МАРТА. А Дымов знает?

ЛАНА. Нет. А то бы и ты знала, коль он с тобой общается до сих пор.

МАРТА. Вот это бомба. Так рванула, что уж и не знаю, как разлетевшиеся куски жизни собрать воедино и осмыслить, что теперь со всем этим делать надо.

ЛАНА. А ничего. Как жили, так и живите.

МАРТА. Это еще почему? После такой-то новости?

ЛАНА. А потому что и дочь знать не знает о своем настоящем отце. Ее, мой бывший удочерил.

МАРТА. Нет, давай все по порядку.

ЛАНА. Давай. Только налей-ка мне еще. Уж больно все это неприятно вспоминать.

МАРТА. (Наливает) На, пей. Ты как-то не особо пьянеешь.

ЛАНА. Еще та закалка. Да, ладно, для храбрости. (выпивает). Так вот, когда я поняла, что залетела, этот производитель уже с Ириной жил. Я естественно рожать и не помышляла. Думала, втихую сделаю аборт и концы в воду.

МАРТА. Ох, и дура! А ты не подумала, что после первого, девки часто бездетными остаются?

ЛАНА. Да не о чем я тогда не думала. Врача искала блатного. (Хватает пачку с сигаретами, а она пуста) Ах, черт! Уже кончились. Дай что ли кофе.

МАРТА. (Встает, чтобы налить ей кофе) Ты продолжай, я внимательно слушаю.

ЛАНА. Не получилось сразу с врачом, а тут мать заподозрила, что со мной происходит. И в упор: «Ты никак беременна?» Пришлось сознаться. (Жадно пьет) Ее вердикт был окончательный: «Будем рожать. Не переживай, поднимем, вырастим».

МАРТА. Я же говорю, что у тебя классная мать.

ЛАНА. Это точно. Она даже не спросила, от кого это дитя. Она хотела продолжения рода. Боялась не дожидаться. Я не долго сопротивлялась, тем более на тот период была без работы. Боялась только, что форму потеряю.

МАРТА. Ох уж эти красотки. Только о себе думают.

ЛАНА. Не забудь, я еще тогда танцевала. И мне надо было держаться. Мы же, балетные всю свою творческую жизнь каждый съеденный кусочек подсчитываем. Не дай Бог, что лишнего. (Смеется). А знаешь, почему еще согласилась оставить ребеночка? Первое, что в голове мелькнуло, вот уж теперь нажрись вдоволь. Тебе этого не понять. А давай пожуюем чего-нибудь. Лезь в холодильник. Там что найдешь, тащи на стол.

МАРТА. (Проверяя полки, что-то приносит к столу, а что-то несет в мусорное ведро) Ты что за продуктами не следишь. Половину выбрасывать надо. Пропало. А запах какой. Неужели самой не противно?

ЛАНА. А ты сядь в коляску и попробуй с этим холодильником справиться. Я и так с трудом все преодолеваю.

МАРТА. Ладно, прости. Но можно же кого-то попросить, чтоб пришли, прибрали, холодильник помыли, да и полы вижу, давно не мыты. А говоришь, в деньгах не нуждаешься. Если они есть, без проблем кого-то нанять можно, коль близкие не в состоянии.

ЛАНА. Да не могу я сейчас этим заниматься. Говорю же тебе, что я живу на пороховой бочке.

МАРТА. Пусть все взрывается, но стол я протру и как положено, накрою. Мы вроде с тобой, люди культурные. Опускаться до свинства, дело скверное. (Начинает наводить порядок, продолжая разговор)

ЛАНА. Подумаешь, это не главное в жизни, этикет соблюдать. Вот я где-то читала, что сама Анна Ахматова со своим мужем не отличались этой, как ты говоришь культурой. Порой в их доме было невозможно найти чистой вилки. Они ели консервы прямо из банки. Представляешь? Зато оба занимались высоким искусством.

МАРТА. Ей простительно. Гениальна. А гениям все дозволено. Даже есть консервы прямо из банки. А тебе нет. Ты, в сущности своей, балерина, а потому должна нести себя по жизни высоко и эстетично. Ведь не зря же многие мужики в балерин сходу влюбляются. Даже сам Государь батюшка не устоял перед чарами Матильды Кшесинской.

ЛАНА. Кстати, она первая прокрутила 32 фуэте.

МАРТА. Я ж говорю, разве можно перед такой красотой устоять? Сам танец – это грация, воздушность, такой накал страстей. К тому же вы, труженицы великие. Не зря, кто-то сказал, что балет – это искусство каждодневного подвига.

ЛАНА. Спасибо, оценила.

МАРТА. А вот эти, нынешние модельки, что по подиуму ходят, доводят себя до анорексии. Но тоже нарасхват. И что красивого в костях без мяса? Одним словом, вешалки. Ни фигуры, ни своего лица. Жалко мне их.

ЛАНА. Посмотрите-ка на нее. Она всех жалеет. Прямо-таки Лука горьковский.

МАРТА. Э, нет. Он от лукавства жалел, а я от души. Чувствуешь разницу?

ЛАНА. Надо же, никогда не задумывалась об этом. Наверняка наш великий писатель неспроста его так назвал. Нам в школе об этом ничего не говорили.

МАРТА. Самой надобно было догадаться. Че-то нас снова куда-то понесло. Роды-то как прошли?

ЛАНА. На удивление, нормально. Без единого разрыва, хотя мне все девять месяцев твердили, что у меня узкий таз. И не очень-то меня разнесло. Быстро восстановилась.

МАРТА. Вот, вот. Тебя только это и волновало?

ЛАНА. Почему? О дочке первые три месяца заботилась по полной. Грудью кормила. Хотя, какая у меня грудь. Она, как есть, так в крик. Тяжело ей было меня доить. Стали прикармливать. А она как соску почувствовала, поняла, что из нее-то еда легче достается, так и вовсе от сиськи отказалась. Уже тогда характер свой проявила.

МАРТА. Как же. Хоть маленький, но уже человечек. На кого похожа?

ЛАНА. Что по фотографиям не поняла? Вся в папочку. Вылитая.

МАРТА. Как же ты не решилась ему об этом сообщить.

ЛАНА. Матушка запретила. Все заботы о дочке на себя взяла. Ни на минуту от нее не отходила. И только сказала, чтобы я не смела о ней ему сообщать. А тем более, когда про Ирину узнала, что та с ним живет. (Копируя мать) «Вот пусть она ему и рождает, а это девочка наша и только наша». Нашей не получилось. Я отдала ей дочь и понеслось.

Звучит музыка из балета «Дон Кихот». Балерина снова крутит 32 фуэте.

Стремительно, перемежая повороты дважды.

МАРТА. А ты и в «Дон Кихоте» танцевала?

ЛАНА. Сомневаешься?

МАРТА. Так сама же говорила, что не вышло из тебя балерины.

ЛАНА. Потому и не вышло, что вернулась в столицу, поступила в прославленный ансамбль, со своими солистками. И никто даже не взглянул на мой репертуар. Так и промаялась в кордебалете, пока не ушла и сама стала балетмейстером. Оказалось - это мое. Вот тут популярность пришла мгновенно. С головой в работу и тут уж не до Настены.

МАРТА. Ну, а потом-то, когда она подросла. Не было желания ей рассказать правду? Неужели так и не скажешь, кто ее настоящий отец?

ЛАНА. А зачем? Тем более, сейчас. Она и так меня ненавидит, а тут еще как узнает, что я все эти годы скрывала от нее правду, так и вовсе взбесится.

МАРТА. Ничего не понимаю. С чего ты взяла, что она тебя ненавидит?

ЛАНА. Так я же ее не воспитывала. Ей еще года не было, когда я, ее полностью на матушкины плечи взгромоздила. У меня репетиции, гастроли. А тут еще и муженька охомутала. Он, хороший. Дочку сразу же предложил удочерить. Что мы и сделали.

Матушке суженый мой понравился, и она против этого не возражала, а даже окончательно успокоилась. Но дочь нам не давала.

МАРТА. А вы часто ее навещали?

ЛАНА. Какой там. Он ведь тоже артист. Те же репетиции до полуночи, спектакли, гастроли. Да и дочь-то, в общем, не его. Чего париться с чужим ребенком. Подумаешь, удочерил. Я даже фамилию ей свою оставила.

МАРТА. Бедная девочка. Теперь понятно, почему ты так о ней отзываешься. Боже, сколько таких не до любимых детей, преданных родителями ради своей карьеры. Вот они и вырастают жестокими, не признающими своих мам, а пап тем более.

ЛАНА. Сушая правда. Моя, после того, как матушка умерла, видеть меня не хотела.

Мамой так и не назвала. Все твердила: «У меня нет мамы». Каково мне было это слышать?

МАРТА. А ей каково?

ЛАНА. А простить? Что никак нельзя? Я работала, «как рабыня на галерах». Все ее проблемы решала, прихоти, желания исполняла. Одетая, обутое, хорошая еда. Я уже тогда балетмейстером известным стала, нарасхват приглашали на постановки.

МАРТА. Знаешь, дети, повзрослев, не помнят, во что их одевали, как кормили. Им важно знать, что они гордились своими родителями.

ЛАНА. А что, мной тогда еще как гордиться можно было.

МАРТА. Только она этого не знала, не чувствовала. Тебя же не было рядом.

ЛАНА. Ой. Да все я понимаю. Только так, как она поступила со мной, это жестоко. (видя накрытый стол) А, давай выпьем, поедим. Ишь, как красиво-то все расставила.

МАРТА. Я пить не буду. И тебе уже нечего. Бутылка-то пуста.

ЛАНА. А у меня в запасе еще есть. (Едет доставать бутылку).

МАРТА. Нет, ты точно алкоголичка. Весь день пить? Это какая печень выдержит?

ЛАНА. Зато нервы успокоятся, и мне хорошо станет. Хотя, мне с тобой и так хорошо. Но все же выпью. (Наливает, пьет). А ты ешь. Это тебе обед и ужин.

МАРТА. Да уж, незаметненько вечер настал. Время как-то быстро пролетело, а я все никак не пойму, в чем тебе надо помочь? Давай, наконец, приступим к делу.

ЛАНА. А мы давно приступили. Я тебе что, зря о своей жизни рассказываю?

МАРТА. Ты хочешь, чтоб я написала статью о том, как нынче несладко живет людям, с так называемыми, ограниченными возможностями? Только я не считаю таких, как ты, ограниченными. Тому примеров тьма. Ирину Ясину знаешь? Ну, та, что дочь известного экономиста. Тоже колясочница. Так она, работая журналистом в престижном издании, еще и по всей стране разъезжает. Вставляет нынешней молодежи мозги на нужное место.

ЛАНА. То же мне пример. Я видела ее на телеэкране, и читала исповедь. Выглядит прекрасно, а что по стране, так у нее даже свой личный водитель есть. Папаша-то, поди не из бедных.

МАРТА. Хорошо. А паралимпийцы? Это, в основном из интернатов выходцы и из простых семей. Проявили характер, поняли, что при любых обстоятельствах жить можно и вперед. Некоторые даже говорят, что их жизнь стала намного интереснее и полноценнее, когда они стали «ограниченными».

ЛАНА. В любом случае, в одиночку не справиться. Только те, чего-то достигают, когда рядом кто-то есть. Знаешь, как таким, как я нужна поддержка и опора. Видела, как непросто мне даже с коляски на кровать пересесть. Хорошо, что еще руки работают.

МАРТА. Вот и радуйся. И тоже старайся жить интереснее. Нагружай себя, найди, чем заняться. И вовсе ты не в коляске сидишь, а в кресле восседаешь. Вот и давай, работай. Ставь свои танцы.

ЛАНА. Эх, я бы с удовольствием. Только никто не зовет. (Плачет) Забыли. Как быстро. Стоило только пропасть ненадолго и тебе конец.

МАРТА. А ты напхни. Тебе в этом помочь?

ЛАНА. Ага, рассказать, как Вознесенская инвалидом стала, как спивается втихаря. Нет уж, не дождетесь. Я еще вам всем докажу, что я чего-то стою. Обо мне еще как заговорят.

МАРТА. Ну вот, поплыла. Я же предупреждала, что хватит пить.

ЛАНА. А ты мне не указывай. Хочу и пью. Пришла тут, своей дочкой хвастается. Какая она хорошая, да заботливая, а вот моя...

В прихожей раздается порывистый звонок и одновременно громкий, несмолкаемый стук в дверь.

ЛАНА. (С ужасом) Вот это точно они! (Крутится в коляске по комнате).

Гаснет свет и только высвечивается пространство коридора или на мониторе, где под музыку из балета «Лебединое озеро» мечется Одетта, ударяясь о стены, взмахивая руками-крыльями, будто стараясь взлететь. Музыка прерывает непрерывный звонок и стук в дверь.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же декорация, тот же еще более громкий стук в дверь.

ГОЛОСА. Эй ты, долбанутая, опять замок поменяла? Вот же стерва поганая. Скорее бы сдохла. (Стук на минуту стихает) Ты где там, падла? Открой двери. Иначе хуже будет. Пока по хорошему просим.

ГОЛОС 1. Потом я стану зверем и тебе несдобровать. Слышишь, открой. (Дубасят в дверь, что есть мочи).

МАРТА. Что происходит? Кто это?

ЛАНА. Да они же, бандиты, которые хотят меня убить. Я тебе говорила.

МАРТА. Неужели все так серьезно?

ЛАНА. А ты думала, я шучу или спятила?

Стук и звонки не прекращаются.

МАРТА. Да что же это такое, в самом деле. Я пойду с ними поговорю. (Идет к комнатной двери).

ЛАНА. Стой! Не открывай! Я боюсь!

МАРТА. Успокойся. Там входная дверь на все засовы закрыта. Как они войдут?

ЛАНА. Ты не знаешь, как, а я уже все испытала на своей шкуре. Который раз ставлю новую дверь.

МАРТА. А старую куда? Они что ее выламывают?

ЛАНА. Болгаркой срезают.

МАРТА. Нет. Я ничего не понимаю. Все же пойду и поговорю. (Идет к входным дверям)
Эй, кто там? Вы почему так себя ведете?

ГОЛОС 1. А ты кто?

ГОЛОС 2. О, еще одна баба нарисовалась.

МАРТА. Я вам не баба. Я журналист. И пришла сюда по просьбе Вознесенской.
Объясните, почему вы так бесцеремонно вторгаетесь на чужое пространство?

ГОЛОС 1. Кто тебе сказал, что оно чужое? Мы здесь живем.

ГОЛОС 2. А эта стерва, устраивает нам очередной геморрой. В собственную квартиру не пускает.

ГОЛОС 1. Давай, журналистка, открывай дверь. В доме, как люди разговаривать будем.

Все это слышит Лана с порога своей комнаты.

ЛАНА. (Поспешно) Нет, не открывай. Ты еще не знаешь, какие они звери, а не люди. Они издевались надо мной, постоянно угрожали.

МАРТА. Это правда?

ГОЛОС 2. Тебе какая разница? Пришла разбираться, открывай.

ГОЛОС 1. А то сейчас участкового пригласим.

МАРТА. Я сама его приглашу. (К Лане) У тебя, надеюсь, есть его телефон.

ЛАНА. Был где-то. Только все бестолку. Он уже здесь не раз бывал.

ГОЛОС 1. Ну, что журналисточка, теперь будешь участкового вызывать?

ГОЛОС 2. Открывай, стерва, а-то хуже будет. Не буди во мне зверя.

МАРТА. Да ты, говнюк, уже и так давно волчара поганая.

ГОЛОС 2. Ишь, как она заговорила. Это по-нашему. А за говнюка, ответишь. (Колотит в дверь ногами, орет). Открывай, а то все нахер, разнесем.

МАРТА. Ничего я вам не открою. Пошли туда, откуда пришли.

ГОЛОС 1. А мы сейчас за болгаркой сходим. Нам не привыкать.

ГОЛОС 2. Ну, а тогда, сучки, держитесь. Сегодня мы вас точно трахать будем.

МАРТА. Какие же вы негодяи. Откуда только такие берутся?

ГОЛОС 1. Оттуда, откуда и вы.

МАРТА. А вы не боитесь последствий? Вам же за все это отвечать придется.

ГОЛОС 1. Перед кем?

ГОЛОС 2. Не бойсь ты, девка. У нас все схвачено.

ГОЛОС 1. Еще раз, по хорошему прошу, открой.

МАРТА. Сейчас, разбежалась.

ГОЛОС 2. Ага, скоро плясать перед нами будешь, писака хренова.

ГОЛОС 1. Тогда мы пошли, но скоро вернемся. (Слышен звук опускающегося лифта).

МАРТА. (Прислушивается, возвращается в комнату, где с ужасом на лице ее встречает Лана). Кажется, ушли.

ЛАНА. (Ее всю трясет) Давай, скорее закрывайся. Они придут и нам несдобровать.

МАРТА. (Как не странно, спокойна) Все, успокойся. Сейчас что-нибудь придумаем.

(Начинает звонить по телефону). Алло, Вадим Иванович, вы еще в редакции? Это хорошо. У нас проблемы. Сейчас расскажу. Это безотлагательно. Тут все серьезно.

ЛАНА. Включи на громкую связь. Помощи проси. Они же скоро вернуться.

МАРТА. Коротко? К нам, вернее к Вознесенской ломятся какие-то бандюки.

ГОЛОС (по связи). Как это ломятся? Средь бела дня. Зачем?

ЛАНА. (Хватает у Марты трубку). Какая разница, зачем? Вадим, ты понимаешь, что вот сейчас они придут, спилят входную дверь, и мы пропали. Срочно, организуй помощь. Слышишь?

ГОЛОС. Да слышу я. Успокойся. Что происходит? Ты корреспондента зачем просила? Бандиты там какие-то. Тогда тебе ОМОН нужен.

ЛАНА. Вот именно. И срочно. Они же нас убьют.

ГОЛОС. Марта, с ней все в порядке? Она адекватна?

МАРТА. Что вы имеете в виду?

ГОЛОС. Я до конца не все понял, но вроде она чем-то больна.

МАРТА. Значит так. Здесь все серьезно. На самом деле в дверь ломятся, вернее ломились. Сейчас ушли за болгаркой. Лана в данное время неадекватна.

ЛАНА. Будешь тут нормальной, когда уже нет сил все это терпеть. Не могу я больше.

Куда, куда мне деться? Укройте меня, спасите!!! (Едет к кровати, пересаживается на нее с кресла. Сворачивается калачиком, тянет на себя покрывало и жалобно подвывает).

ГОЛОС. Может вам сейчас лучше покинуть эту квартиру?

МАРТА. Как? Лана сидит в инвалидном кресле.

ГОЛОС. Вот это да. Почему? Что случилось?

МАРТА. Все вопросы потом. Сейчас надо действовать, что-то предпринимать. Это похоже на рейдерский захват.

ГОЛОС. А ты участковому звони. Вызывай его срочно. Я на связи.

ЛАНА. Какому участковому? Думаешь, я его не вызывала? О, гад, отключился.

МАРТА. И что?

ЛАНА. А ничего. Он больше на мои звонки не реагирует.

МАРТА. Дай мне, наконец, его номер.

ЛАНА. Да, пожалуйста. Вот здесь в записной найдешь. Только толку-то? (снова подвывает).

МАРТА. (Звонит участковому) Здравствуйте! Моя фамилия Миронова, я журналист. А мне пока нет. С кем я говорю? Это хорошо, что сразу на вас попала . Вам знакома такая фамилия, Вознесенская? Даже очень? И что? Почему меры не принимаете? Как не можете? Как это не по закону? Среди бела дня в квартиру ломятся незнакомые люди, взламывают двери, а вы их не останавливаете? Почему по закону не имеете права?

По какому такому закону? Хорошо, сейчас спрошу. Но вы обязаны прийти на вызов. Да, поняла. Если что, буду звонить снова. (К Лане). О каких таких совладельцах он говорит?

ЛАНА. Я же тебе уже столько раз говорила, что меня собственная дочь выживает из квартиры.

МАРТА. Это как? Совладелец-то откуда?

ЛАНА. Подай воды, пожалуйста. Надо таблеток наглотаться, иначе я не выдержу. (Роеся в ящике тумбочки, достает таблетки, пьет. Ее трясет по-прежнему).

МАРТА. (Видя это). Ну, что делать. Может чаю заварить?

ЛАНА. Не надо. Сейчас полегчает. Я, пожалуй встану. (Пересаживается в кресло, едет к столу).

МАРТА. (Все же греет чайник) Вот тепленького чайку хлебнешь, с вареньем и мне все спокойненько по порядку расскажешь.

ЛАНА. (Покорно двумя руками берет протянутую чашку с чаем. Делает несколько маленьких глотков, а потом неожиданно резко швыряет ее со стола. Начинает рыдать и зло выкрикивать) Нет, не надо мне ничего! Не хочу вспоминать. Забыть. Все забыть, как дурной сон. Дрянь она, выродок дымовский. Безжалостная, жестокая дрянь! Как она могла? Как такой ад устроить своей матери?

МАРТА. (Бросается к Лане, прижимает ее голову к себе, гладит по спине). Тихо, тихо. Все будет хорошо. Вот увидишь. Ты только успокойся, возьми себя в руки. Я знаю, ты сильная, еще та закалка.

ЛАНА. (Продолжает всхлипывать) Марта, пойми хоть ты меня. Пусть я плохая мать, пусть не уделяла ей внимания, но я же работала. Я старалась, чтоб она ни в чем не нуждалась.

МАРТА. Я все это слышала и не только от тебя. Это не она тебе мстит и всем тебе подобным, Это расплата за преданность сцене. Перед тобой был выбор: дите или его величество искусство. Ты выбрала второе.

ЛАНА. Значит, я не имела права рожать. Зачем, зачем я это сделала?

МАРТА. (Отодвигает Лану от себя, идет собирать осколки).О, это уже не твой выбор. На такой вопрос может ответить только сам Господь. (Замечает осколки). Вот была чашка, наполненная до краев чаем, который я заварила для твоего же блага для успокоения, а ты сама, слышишь, сама разбила ее вдребезги.

ЛАНА. Достали! Меня все достали! И ты, в том числе.

МАРТА. Ах и я перед тобой виновата? А ты вспомни, что бьешь не только свою посуду, ты когда-то и мою не пожалела. Вдребезги, без сожаления. Ты думаешь зря говорят, что на чужом несчастье, своего счастья не построишь? Жизнью доказано и не раз.

ЛАНА. И ты туда же. Так радуйся. Видишь, как жизнь-то меня согнула. Смотри, на бывшую известность, ставшую калекой, которую хотят выбросить на помойку. (Рыдает) Как же это жестоко. Господи, помоги, хоть ты мне.

МАРТА. Вот так мы всегда. Только когда прижмет, о Боге вспоминаем. А он, не сомневайся, слышит и уже вступился за тебя. Не зря же я здесь.

ЛАНА. Прости. У меня нервы пляшут. Сама не знаю, что говорю. Перед тобой я по уши виновата. Прости.

МАРТА. Хватит раскаяний. Все, что произошло уже не исправишь. Оно уже осталось там, в прошлом. Теперь надо о настоящем думать. Вот в нем-то еще не поздно все или хотя бы часть грехов замолить. Начнем?

ЛАНА. Ты мне молиться предлагаешь?

МАРТА. Душу очистить. Рассказывай, что между тобой и дочерью произошло? Только без слез.

ЛАНА. Хорошо. Сейчас. (Сморкается, вытирает нос, лицо) Налей чаю. (Перехватив взгляд вопроса) Да не бойся, больше посудой бросаться не буду. (Жадно пьет и осторожно ставит чашку на стол).

МАРТА. Вот и умница. (Тоже садится за стол с чашкой в руке). Давай, смелее.

ЛАНА. С чего начать?

МАРТА. С начала.

ЛАНА. Я уже, по моему говорила, что вначале жила я с родителями поврозь. Настя с ними, а я в своей кооперативной. Потом тяжело заболел папа. Была необходима сложная операция. Их пенсии и моих денег не хватало. Мама упростила продать мою двушку. Я не долго думала. Папу надо было спасти.

МАРТА. Вот это поступок! Половину грехов тебе списал.

ЛАНА. Или прибавил. Была бы сейчас у меня своя квартира, ничего подобного не произошло бы. Эх, как же курить хочется. Зачем ты пепельницу освободила? Там наверняка окурочки бы нашлись.

МАРТА. Потерпишь. Давай, продолжай.

ЛАНА. Ну, продала. К родителям прописалась. Позже при приватизации и долю свою получила . А папу все равно не спасли. Выходит, зря я квартиру продала.

МАРТА. Э, нет, не зря. Представляешь, если бы ты этого не сделала, и папа твой умер без операции, ты бы себя и за это всю жизнь казнила.

ЛАНА. Не много ли казней на одну маленькую, хрупкую женщину?

МАРТА. Вот и я думаю, что и так хватает. Жизнь, жестокая штука. За все грехи расплаты требует.

ЛАНА. Куда Господь смотрит? Нельзя же так. Это жестоко с его стороны.

МАРТА. Не гневи Господа. Он каждому дает то, что заслужили, не более того. Ты должна пройти все испытания выпавшие на твою долю. Пройдешь не ропща, поймешь, и исправишь свои ошибки. «Все в жизни поправимо», – мне так Батюшка на исповеди всегда приговаривает.

ЛАНА. Не знаю. Не уверена. Как там у Булгакова: «Квартирный вопрос испортил москвичей». Нынче за квадратные метры мы готовы друг другу горло перегрызть. Обманывают, убивают. Дети стариков на улицу выгоняют. Вот как меня сейчас. Из собственной квартиры выживают.

МАРТА. Но не дочь же. Тут какие-то мужики ломались и себя совладельцами называли.

ЛАНА. А кто им свою долю продал? А у нее даже две были. Матушка свою – ей завещала.

МАРТА. Это как же она продала? Насколько я знаю, ты обладаешь первоочередностью покупки. Она к тебе обращалась?

ЛАНА. Представляешь, да. Письменно. Я тоже должна была ей письменно ответить.

МАРТА. И что?

ЛАНА. Я конечно, согласилась. Меня, предложенная ею сумма, вполне устраивала. Слава Богу, заработала и отложила на «черный день». Но она куда-то исчезла и даже не отвечала на мои звонки. Я успокоилась. Решила, что она отказалась от продажи. Не тут-то было. Через какое-то время появился крепкий бритоголовый мужик и представился совладельцем.

МАРТА. Это ж надо. А ты документы у него проверяла?

ЛАНА. Так он мне их и показал.

МАРТА. А может он врет?

ЛАНА. Я тоже не поверила. Стала его гнать. А он мне предлагает продать, купленную им долю, только уже за сумму вдвое больше той, что дочь просила.

МАРТА. А ты так и не узнала кто он? Неужели Анастасия через посредника решила цену поднять?

ЛАНА. Нет, слава Богу, хоть до этого не дошло. Его документы проверил тот самый участковый. «Все правильно, - сказал он. - Это ваш (Хохочет нервным смехом) сожитель». Представляешь? У меня появился сожитель. И это так. Он даже пытался залезть ко мне в кровать.

МАРТА. О, Господи. Как ты его, беспомощная выпроводила?

ЛАНА. А я заорала, что у меня работает скрытая видеочкамера, и что я обвиню его в изнасиловании. Он как ужаленный подскочил и вылетел из комнаты. С тех пор я перешла в эту гостиную и все эти замки и задвижки установила. Только ими и спасаюсь. Эта моя территория и если нарушат, это и будет основанием обратиться в суд за вторжение.

МАРТА. Правда что ли, что камера наблюдения есть?

ЛАНА. А какие могут быть шутки, если тебя со свету всеми доступными и недоступными способами выживают. Только и это не помогло.

МАРТА. Это как же?

ЛАНА. А вот так. Когда этому «сожителю» вместе с его лысыми головорезами удавалось проникнуть в квартиру, они вели себя тут как дома. Передвигали мебель. Везде гадили,

плевали на пол, окурки разбрасывали. В ванну, туалет не зайти. Пришлось прямо здесь свой туалет устанавливать.

МАРТА. Кстати, я пожалуй схожу туда. Приспичило. (Уходит)

ЛАНА. (Ей вслед) Иди, иди, полюбуйся и понюхай заодно. (Едет к балкону. При помощи специального захвата открывает дверь. Вкатывается туда и тут же назад с банкой в руках, наполненной окурками). Вот, сейчас что-нибудь выловлю. Не могу уже. Так курить хочется.

Из отворенной двери в коридор слышен звук смываемого унитаза.

МАРТА. (Залетает, как ошпаренная. Видит открытую дверь балкона) Ой, хорошо, что открыла. Я вся пропахла этой гадостью. В общественном туалете чище, чем здесь.

ЛАНА Я же тебе говорила. (Находит окурки, закуривает дрожащими руками). Двери закрой.

МАРТА. Не трусь. Смотри на вещи реально. Они же пока входные не спилят, сюда не войдут. (Идет к раковине и моет руки). Да, уж, устроила тебе дочь веселенькую жизнь. Вроде многое повидала, о многом поведала читателям, но такое... А дай-ка я ей позвоню.

ЛАНА. Она не отвечает на мои звонки. Я же говорила.

МАРТА. Это на твои, а мой номер ей не известен. (Лана молча подталкивает записную книжку. Марта звонит). Это Анастасия? Здравствуйте! Меня зовут Марта Миронова. Я журналист. Нет, вы не горячитесь сразу. Я просто пытаюсь понять, что происходит в вашем семействе. Я не вмешиваюсь. Ни в коем случае. Меня позвали на помощь. Да. И я пришла. А если бы вас кто-то позвал, вы бы отказались? Вот видите. И я не смогла. А вы животных любите? Как здорово. Какой породы? А кошка есть? И даже хомячки? Как же вы со всем этим справляетесь? У вас же еще и ребенок маленький. Как откуда знаю? Ваша мама мне с гордостью сообщила, что она уже бабушка. Настя, можно я вас так буду называть? У меня дочь чуть постарше вас. Спасибо. Так вот, девочка моя, я не верю, что ты, имея доброе сердце, совсем не любишь свою мать. Не надо кричать. Я все равно не поверю. А что я должна знать? Вот ты и расскажи. (Кладет трубку на стол). Она отключилась. Не хочет разговаривать.

ЛАНА. (Начинает всхлипывать) А, так мне и надо. Только сейчас стала понимать, что не правильно жила. Прошлое всегда настигнет в настоящем. Я всю жизнь выходит, наслаждалась собственным эгоизмом. Никого по-настоящему не любила. Делала кучу ошибок, зато других не умела прощать. Всех успела обидеть, всем жизни поломала. Вот тебе, матушке своей, дочери, единственной. Теперь эта жизнь наносит ответный удар. Все правильно. (Размазывает слезы по лицу).

МАРТА. Послушай, не реви. Хотя, если это слезы очищения, тогда ладно. Вот эту фразу слышала из уст Андрея Дементьева. Сейчас, вот: «Если ты споткнулся о собственную совесть, считай, тебе повезло. Ты ее почти потерял, но споткнувшись вовремя это заметил». Ты понимаешь, что вновь приобретаешь свою совесть. Так радуйся.

ЛАНА. Чему? Мне же еще противнее становится. Да, все верно. Это я, дрянь. Так мне и надо.

Раздается телефонный звонок.

МАРТА. Настя, это вы? Да не надо извиняться. Я все понимаю. Хорошо, что вы позвонили. Да, я знаю. А вы-то знаете, что она нынче совсем одна. Нет, так не надо. Настя, не будьте жестоки. Это не ваши чувства. Вы же по натуре, как я поняла, добрый человек. Вот вы дочь свою любите? Очень? Я и не сомневаюсь в этом. А представляете, что если

бы не ваша мать, которая родила вас, то и дочки вашей не было бы. Вы не можете вычеркнуть ее из своей жизни. Оборвется одно звено из общей жизненной цепочки и ваш отрезок тоже разрушится. Ой, простите. Настя меня на параллельном вызывают. Это срочно. Я вам перезвоню. (Переключается) Алло, ну, где вы там, Вадим Иванович? (Лана жестами просит нажать громкую связь).

ГОЛОС. Что у вас там?

МАРТА. Пока тихо. Но они скоро придут.

ГОЛОС. Ты уверена? Может они вас запугивали?

МАРТА. Какой там. Они уже здесь столько натворили. И это не первая дверь, которую они спиливают.

ГОЛОС. Я знаю. Навел справки. Там на самом деле странная история случилась. Ломятся вроде как на законном основании. Мне сам начальник ее отделения полиции объяснил, что это она нарушает закон, не впуская собственника на свою законную жилплощадь.

ЛАНА. Какую законную? Вадим, ты что, в самом деле поверил ему? Как можно продать долю, не соблюдая моего преимущественного права? Я не давала никакого согласия на это?

ГОЛОС. У него имеются копии документов. Он сам занимался этим делом. А потому, говорит, не имеет права вмешиваться. Все делается по закону.

МАРТА. Вадим Иванович, это не так. Тут налицо настоящий бандитизм. Они врываются, творят здесь черте что, угрожают. Вы мне верите?

ГОЛОС. Ну, не знаю. Ты до конца разберись, и мы это дело предадим огласке. А пока, как сказал участковый надо обратиться в суд.

ЛАНА. И этот меня предал.

МАРТА. Держись. Мы еще повоюем. (Набирает номер участкового) Товарищ участковый? Это снова я. Да я вам звонила недавно. Миронова я. Так что вы там со своим начальником решили? Что это Вознесенская действует не по закону, не впуская бандитов в свою квартиру? Да не надо мне талдычить, что вы по закону ничего сделать не можете. Как они не посторонние? А кто же еще? Хозяева? И поэтому вы не можете их отсюда выгнать. А угрозы, спиливание дверей? Не уголовное? Только лишь тянет на привлечение к административной ответственности? Привлекли? О, это уже хорошо. К награде вас, да и только. Вот, наконец-то слышу «слова не мальчика, а мужа». Не обращайтесь внимания, это я так к слову цитирую известную фразу. Все сказали. Наград вам побольше и повышений в чинах. (Лане) Он, видите ли уверен, что это сто процентный бизнес. Он рад бы помочь, но по закону нет на них управы.

ЛАНА. Опять по закону. Что же это за законы такие, противочеловечные? Кстати, зятем своим депутатом хвасталась. А это он, слышишь ты - он и ему подобные эти самые законы штампует. Не думая о нас, о людях попавших в беду. И что же мне делать? Как жить, когда жить невозможно? (Уже с сумасшедшим взглядом, уставившись в одну точку) Я поняла, никто мне не поможет и никто не защитит. Я стала никто, и звать меня никак. (Начинает смеяться).

МАРТА. (Наливает в стакан воду, пытается напоить Лану). Не впадай в истерику. На, пей. (Та выбивает стакан из рук Марты. Продолжает биться в истерике). Прекрати! Да что же это такое, мне снова замечать осколки. (Подметает).

ЛАНА. Это к счастью. Да я знаю. Надо чтоб все были счастливые. Уже две чашки разбила. Две счастливые судьбы.

МАРТА. Так давай, бей все остальные. Осчастливь всех подряд.

ЛАНА. Не надо всех. Двоих хватит. Я знаю. Они будут счастливы.

МАРТА. (Видя, что с Ланой не все в порядке) Давай-ка в постельку. Тебе отдохнуть пора.

ЛАНА (Спокойно, подчиняясь едет к кровати. Ложится, вновь свернувшись калачиком. Марта накрывает ее пледом) Вот так, сейчас согреешься. Успокойся и поспи. Я рядом. Ничего не бойся.

Свет гаснет. Лучом прожектора высвечивается балерина, танцующая
Безумие Жизели, небольшой отрывок из одноименного балета.

МАРТА. (С ужасом наблюдает за этим. Потом, набирает номер) Настя, это я. (Отходя к балкону). Маме твоей стало плохо. Я ее уложила. Ой, девочки и что же мы так друг другу жизни ломаем? Да, Настена, это вечная проблема отцов, а в данном случае матерей и детей. Только решает ее каждый по-своему. Ты права. Вот и попробуй по добром. Разве трудно? Расшевели внутри себя эти струны. Пусть твоя душа повернется навстречу матери, которая сегодня просто раздавлена и сломлена обстоятельствами. Да, я согласна, что она сама виновата. Но и твоя вина налицо. Зачем ты продала свою долю? Как на улицу? Еще и с дитем? А она говорила, что ты сама ушла, бросила ее, беспомощную. Ребенок раздражал? Как это? Отец-то тоже ушел. Привез, оставил и смылся. Не отец? Так ты и это знаешь? Бабушка перед смертью покаялась. Это правильно. Не надо свои грехи за собой тащить. Тогда приготовься еще к одной новости.

В это время звонит домофон.

Все, они пришли. Киллеры, кто же еще? Настя, это очень серьезно. Твою долю приобрели настоящие бандиты. Я верю, что ты не знала. Я перезвоню. (Идет к входной двери) Кто? Опять почта. Вам что позвонить больше некуда, как только сюда. Что все вымерли? Считайте, что и нас уже на погост увезли. Прости, Господи. Не трезвоньте больше. (Возвращается).

ЛАНА. Пришли? Они пришли. Скажи, пусть заходят. Это их квартира. Я поняла. Я больше не буду ставить новые двери. Пусть не беспокоятся.

МАРТА. (В ужасе) Ланочка, очнись. Никто не пришел. Мы с тобой вдвоем и все хорошо. Ты поспи. Тебе надо отдохнуть. Столько волнений сразу.

ЛАНА. Тогда и ты ложись, вот сюда, рядом. Ты тоже волновалась. Я же видела. (Марта не двигается с места). Что же ты стоишь, я уже подвинулась. Места всем хватит. Иди же.

МАРТА. (Идет к постели и осторожно со страхом ложится рядом с Ланой). Вот я уже здесь, рядом с тобой. Хочешь, я всегда буду рядом. Я помогу тебе. Ты только успокойся, забудь обо всем и отдохни.

ЛАНА. Хитрая какая. Я не хочу забывать. Это грех. Я должна все помнить. О маме, о тебе, о девочке моей. Я знаю, что вы добрые и меня за все простите. А я зло, а зло должно исчезнуть.

МАРТА. (Поворачивается к Лане, гладит ее) Кто тебе это сказал? Мы все грешные и во все века добро борется со злом в каждом из нас.

ЛАНА. Это правда. И мое зло победило. Ты же знаешь

МАРТА. Нет, это неправда вовсе. Добро всегда побеждает зло.

ЛАНА. Я знаю, мне мама сказки читала. Я помню.

МАРТА. Вот видишь. И мы победим. Обязательно победим. Ты только верь. Мы обратимся в суд. Они признают сделку незаконной, и ты будешь жить спокойно. Потерпи. Потерпи еще немного.

ЛАНА. Я тебе верю. А больше никому. (Затихает, заснула).

МАРТА. (Потихоньку встает). О Господи! Что это с ней? Хотя все понятно, я тоже скоро чокнусь. Пусть отдыхает. Сон лучший лекарь. (Снова звонит). Настя, пока мама спит, я тебе новость сообщу. Слушаешь? Внимательно? Только не упади. Села? Настя, а у тебя есть сводная сестра. Да, да. Это правда. И она моя дочь. О, сколько эмоций. Надеюсь радостных? Всегда о сестре мечтала? Моя тоже. Конечно, познакомлю. Настя, а может, ты сейчас приедешь? Маме твоей совсем плохо. Ей помочь надо. Она во всем раскаивается. Что молчишь? Поздно? Это ты от упрямства все одно твердишь. Жизнь сначала начать не поздно даже перед смертью, а уж простить родного человека можно в любое время. Главное успеть при жизни. А то потом сама же жалеть будешь. Не приедешь? Потом? Это когда потом? А если все бросить? Ладно. Надеюсь, еще встретимся. Обязательно. Пока. (Выходит на балкон, оглядывается, перевесившись смотрит вниз) Ух, высота-то какая. (Звонит мобильный на столе. Быстро хватается, чтоб не разбудить Лану. Тихо) Да. Это вы, Вадим Иванович? Лана заснула. Боюсь ее разбудить. Да, пока все по-прежнему, тихо. Может, сегодня и не придут. А завтра... Да, я тут останусь. Не оставлять же ее одну. С ней и так что-то происходит. Еще бы, такое перенести не каждому по плечу. А она еще держалась до последнего. Я бы давно с ума сошла. Хорошо. Поняла. А может скорую вызвать? Да, конечно. Экзальтированная особа? Да, нет, тут что-то совсем другое. Ладно, если что, я вам звоню.

ЛАНА. Марта, ты где? (Шарит по постели) Ты ушла? Только не уходи. Мне страшно.

МАРТА. Я никуда не уйду. Ты слышишь. Я вот, рядом. Дай мне руку и успокойся. У тебя где таблетки? Давай что-то успокоительное выпьем.

ЛАНА. Таблетки? Ах, таблетки. Они все здесь. Только я ничего не хочу.

МАРТА. Зато мне необходимо. (Ищет в тумбочке. Вынимает коробку и читает названия) Так, это не то, и это не то. А вот то, что надо. Я когда-то пила их. Сразу помогло. (Идет за водой) Давай-ка вместе выпьем. А может, вначале поедем? Таблетки вредно на голодный желудок принимать.

ЛАНА. Ничего не хочу. Мне и так хорошо. И таблеток твоих не хочу.

МАРТА. Они как раз твои. Значит, уже принимала?

ЛАНА. Может быть. А сейчас не буду и все.

МАРТА. А что так? Они помогут.

ЛАНА. Мне помощь не нужна. Я все слышала. Она не придет. И я уже все решила.

МАРТА. Может, поделишься. Что решила-то?

ЛАНА. Не-е-е-т. Это секрет. А секреты не выдают.

МАРТА. (В полной оторопи). А давай-ка вставай. Сейчас яишенку приготовлю, будем есть, а потом пить таблетки.

ЛАНА. (Начинает подниматься) Я и есть не буду. А зачем?

МАРТА. Слушай, ты меня не пугай. Я точно скорую вызову.

ЛАНА. Ну, и дура. Мне же давно сказали, что болезнь моя неизлечима.

МАРТА. Тебе помочь?

ЛАНА. Я сама. Понимаешь, сама. Я все привыкла делать са-ма. (Пересаживается в кресло-коляску, едет к столу. В это время одновременно дребезжит дверной звонок и стук в дверь). Лана взвилась в кресле и завопила не своим голосом). А-а-а-а! Они пришли. За мной пришли. Спрячь меня. Скорее спрячь. А-а-а-а! (Зарывается лицом в колени).

МАРТА. Хорошо. Я сейчас. (Мечется по комнате. Хватает плед с кровати и накидывает его на Лану). Это они, точно они. Что? Куда? (Хватает телефон и начинает звонить). Это скорая? Вызов. Срочно. Что? Женщине плохо. Что с ней? Откуда мне знать. Я спокойна. Да не могу я быть спокойной, когда тут такое. (В дверь, по-прежнему колотят и звонят). На что жалуется? Да не жалуется она. Признаки болезни? Кричит, заговаривается. Какую

дурку? В Кашенко? Вы понимаете, что говорите? Вас просят приехать, помочь. Послушайте, вы обязаны приехать. Нам нужна ваша помощь. Да, и мне тоже. (В трубке, отбой. Ее начинает трясти. Всклипывая, набирает номер снова). Сволочи, гады, все равно я вас достану. (Кричит) Что же вы трубку бросаете? Не хамите мне. Я сейчас диктофон включу. Ах, не бойтесь. Еще посмотрим. (Снова отбой. Набирает новый номер) Вадим Иванович! Срочно нужна помощь. Они уже ломятся. Нет, Пока стучат. И еще скорую вызовите. Я пыталась. Они нахамили и ехать отказались. Она укрыта. Как, как? Пледом укрыта. И вы туда же. Да! У нас тут - настоящий дурдом. Все. Я пошла на эшафот. (Идет к входной двери). Эй вы, бритоголовые, что снова пришли права качать?

ГОЛОС 1. А это ты? Двери открой. По хорошему.

МАРТА. Да, это я и по-прежнему здесь. Двери я вам не открою. И буду стоять насмерть. Вы слышите?

ГОЛОС 2. Тебе, что, правда, жить надоело?

МАРТА. Совсем нет. Я еще поживу. А вот по вам тюрьма плачет.

ГОЛОС 2. Вот же сучара приткая. Мы сейчас дверь спилим и ты пропала. (К напарнику) Я же тебе говорил, что толку стучать. Пилить надо.

ГОЛОС 1. Без проблем. Не впервой. Сейчас пилу распакую и начнем.

МАРТА. Учтите, у меня в руках диктофон, я все записываю.

ГОЛОС 1. (Оба хохочут). Хорошо, что не бомба. А эту игрушку заткни себе в жопу и записывай, что она пропердит.

МАРТА. Господи! Как ты можешь допустить такое? Зачем, для чего живут на земле такие подонки? Размножились, гадами расплозились по всей стране и жалят, всех жалят беспощадно. Эй, вы! У вас матери есть?

ГОЛОС 1. А ты как думала? Коль на свет появились, не без вашего бабского участия.

МАРТА. А перед ней-то не стыдно так себя вести?

ГОЛОС 2. А дома-то мы, паиньки. Что не веришь? Вон у другана, даже жена и дети имеются.

ГОЛОС 1. А как же? Мы чем вас хуже? Вот только бобла сколько вы имеете нетути. Делиться надо. А вы же не хотите. Вот и приходится зарабатывать.

МАРТА. Любыми способами да? И противозаконными?

ГОЛОС 1. Как умеем. Законных, никто не предложил.

МАРТА. А вы пробовали? Работы полно. А для таких накаченных, как вы, тем более без проблем.

ГОЛОС 1. Э, девка, видать мы в разных странах живем. Думаешь, мы сходу в вышибалы подались.

ГОЛОС 2. (Гогочет). Мы где только не вкалывали. И на стройке и у частных, даже на базаре. Везде одно. Платят гроши, а то и вовсе гонят взашей, без копыя. Я- то ладно, переконтуюсь.

ГОЛОС 1. А мне семью надо кормить. Опять же та мать, что родила, побираться пошла, чтоб с голоду не сдохнуть. Че молчишь? Праведница. Ты у своего Бога-то спроси, зачем он нам всем такой геморрой устроил? Вы тут в столицах за власть деретесь, а мы там у себя зубы на полку положили. Всю страну взбаламутили, каравай поделили, а теперь жируете? Никого мне не жалко. Все вы одним говном мазаны.

ГОЛОС 2. Мы тут вас всех ненавидим. Поняла?

МАРТА. Ну, вот же, вроде люди. Только несчастные и обозленные. Я понимаю. Но не надо всех-то под одну гребенку. Вы беззащитного человека до полуобморока довели. У нее никого нет, дочь предала, муж бросил, работы лишилась. Теперь вот вы ее из квартиры на улицу хотите выкинуть. Это жестоко, бесчеловечно.

ГОЛОС 2. Ниче, она богатенькая, выкрутится.

МАРТА. Какое у нее богатство? Откуда?

ГОЛОС 1. Так это, хозяин сказал, что у нее еще одна квартира есть и бобла немерено.

МАРТА. Соврал. Нет у нее ничего.

ГОЛОС 2. А двери уж который раз менять есть? А на камеры? Ишь, кругом понавтыкала. Только нам, посрать. Хозяин-то, из высоких чинов, ему все можно. Прикроет.

МАРТА. Это на остатки денег, заработанных, заметьте честным трудом.

ГОЛОС 1. Вот и мы должны честно отработать свое. Извиняй, журналистка. Коль не откроешь сама, будем пилить.

ГОЛОС 2. Так откроешь или нет?

МАРТА. Пожалуйста, ну, почувствуйте себя людьми? Остановитесь. Пусть суд рассудит кто прав, а кто виноват. Не берите грех на душу.

ГОЛОС 1. А одним грехом меньше или больше, это уже ничего не изменит.

МАРТА. Расплата все равно настигнет. Если не вас, то детей ваших.

ГОЛОС 2. Да заткнись ты со своими проповедями. Нашлась тут молящаяся. Вот и молись, чтоб мы вас не тронули. (Раздается первое жужжание пилы. Марта бежит в комнату. Лана сидит в той же позе, а потом резко сбрасывает с себя плед)

ЛАНА. Что это? А-а-а-а! (мечется в разные стороны) Это они. Снова пилят.(Закрывает ладонями уши) Я не могу больше это слышать. Мне больно! Больно!

МАРТА. (Снова укутывает ее в плед, обнимает). Тихо, тихо. Ты не бойся, нам помогут. Обязательно помогут. Они не войдут. Вот попилят еще немного и уйдут. Хочешь чаю?

ЛАНА. Я же тебе сказала, ничего не хочу. Оставьте меня в покое. Все оставьте. И вы, за-за-мол-чи-те!. Замолчите. Замолчите. Нет, это невыносимо! Невыносимо! Ну, скажи им, пусть не пилят. А-а-а-а!

МАРТА. Я сейчас. Я скажу. Ты потерпи. (Бежит в коридор). Да заткнитесь вы, наконец! Человеку плохо. (Стучит кулаками в дверь. Звон пилы не перестает).

ЛАНА. Все, это они за мной пришли. Я знала, знала, что придут. Я не хочу к ним. Куда мне, куда? (Видит открытую дверь на балкон. Спешно едет туда, впритык к перилам, рывком ложится на них и ...вниз головой)

Свет гаснет. Зажигается экран монитора, на котором балерина медленно крутит фуэте, потом резко падает По всему экрану растекаются багровые пятна крови.

МАРТА. (Видит все это. Загорается свет и она бросается в комнату. Уже с порога понимает все и медленно по косяку сползает на пол.) Зачем, зачем ты это сделала? Как ты посмела? Господи, что я говорю? (Звонит телефон. Медленно поднимается, шатаясь подходит к столу.) Кто это? Настя ты? Сейчас приедешь? Поздно, Настя. Твоей мамы больше нет. (Бросает трубку, падает на расprostертые по столу руки, рыдает. Еще один звонок) Да, Вадим Иванович, уже всех выслали. Как просила? Скорую, полицию и сами едите? Не надо. Уже не надо. Хотя, что это я. На этот раз все вовремя. Она лежит там внизу. Да не орите вы. Ланы больше нет. (Закрывает трубку. В зал) Понимаете вы! Ее больше нет! Как же мы жестоки и немилосердны. Человек, загнанный в угол молил о помощи. А мы разом оглохли. Страна глухих и бездушных людей. Повернись к нам, Господи! Ну, сделай что-нибудь! (Рыдает).

В это время спиленная дверь с громким стуком падает и одновременно, за окном раздаются милицейская сирена и звуки скорой помощи.

На экране монитора, под музыку Чайковского возникают строки из светской хроники.

« Сегодня, трагически погибла, известный хореограф и балетмейстер с мировым именем Лана Вознесенская. Она выпала с балкона собственной квартиры на 12-м этаже. Причины этого происшествия выясняются».

ЗАНАВЕС

